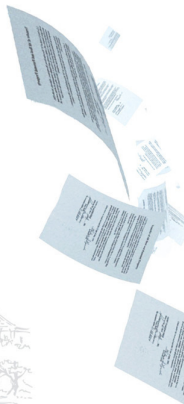

М. Веллер

ОГОНЬ И АГОНИЯ

Михаил Иосифович Веллер

Огонь и агония

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31724885
Огонь и агония / Михаил Веллер: АСТ; Москва; 2018
ISBN 978-5-17-108858-3

Аннотация

Новая книга Михаила Веллера – ироничная по форме и скандальная по существу – о том, почему классика уродует сознание интеллигенции, как пили шампанское герои золотого периода советской культуры, где найти правду о войне и кто такой великий русский поэт Владимир Высоцкий.

Содержание

Русская классика как яд национальной депрессии	5
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Михаил Веллер

Огонь и агония

© М. Веллер, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Русская классика как яд национальной депрессии

Аглавный вопрос литературы: как вообще жить? Если справедливости нет, а счастья хочется? Читать книги – зачем: стать умным и бедным?

Я был зван на совещание по проблемам русской литературы в школе: плохо знают, мало хотят, как поднять интерес, втиснуть все в программу... Тогда у меня впервые и возник этот вопрос, вернее – вдруг сформулировался: а с кого подростку брать пример из героев русской классики? Кому подражать? Чему его эта классика учит? Строго-то говоря? К чему его призывают шедевры великой русской литературы? Они ему жить хоть как-то помогают? Лучше делают? Лишние люди Онегин и Печорин? Убийца Раскольников? Изменившая мужу и бросившаяся под поезд Анна Каренина? Они его чему учат? Какой, простите, пример подають? В школе-то я такие вопросы и вообразить себе не мог, думать даже не смел... И тогда – вопрос ужасный как следствие, недопустимый, кощунственный просто вопрос: а что ему русская классическая литература дает? Она ему на кой черт нужна? Чем интересна? Он вот для себя, для своей жизни, по своим интересам – что там может почерпнуть?

Или, возможно, язык Достоевского способствует форми-

рованию эстетического вкуса подростка? Или образ Николая Ростова учит правильно обращаться с крепостными мужиками? О: образ Обломова как пример целеустремленности и силы воли русского человека. Чем не тема для сочинения?

Дорогие мои, с такой точки зрения школьная программа русской классической литературы есть злостная воспитательная диверсия! Пессимизм, критиканство, несправедливость, кругом несчастья – да что это за жизнь такая?! Чему тут учиться – каким не надо быть?

Дискуссия развернулась какая-то непринужденная, я бы сказал, и непредусмотренная, и что поразительно: все товарищи учителя сказали, что да, связей с современностью, с сегодняшней жизнью, в школьном курсе классики не просматривается. Просматривается. Но мало. И не так. И – да! – очень не хватает положительных примеров. И ветераны с ностальгией вспомнили «Как закалялась сталь», «Повесть о настоящем человеке» и «Молодую гвардию». Уже советские.

Знание и почитание русской классики как элемент групповой культурной самоидентификации – это понятно. Иметь представление о вершинах, шедеврах, о величии национальной русской культуры – понятно. Но! Тогда ведь достаточно просто знать: Пушкин наше все, Толстой и Достоевский мировые гении, с Чехова начался новый мировой театр, и во всем мире величие наших гениев признают и не оспаривают. О'кей! Мы круче всех, это предмет нашей национальной гордости! Но? А читать-то эту допотопную скукотищу

на хрена?! Мы же и так за, мы же не спорим!

Если честно, я сам так удивился такому повороту вопроса, что еще долго удивлялся. Это как красавица под неожиданным ракурсом: непривычное зрелище, но впечатление незабываемое.

Понять, конечно, можно. Нам уже двести лет историю преподавали как? То есть: нам в зеркало какими нас показывали? Ибо история народа – это коллективный портрет во времени, это общая биография как проявление сущности, натуры.

Изначальной литературой была «Повесть временных лет»: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет; придите княжить и володеть нами». IX век! Вот такая самохарактеристика. Первое литературное произведение – и уже упадок национальной бодрости и веры в себя.

То есть изначально правила норманны, они с дружинами были военно-административным сословием, а славяне и финно-угры – смерды, чернь, податное сословие, а поймают и свезут в Царьград на рынок – так вообще рабы на продажу.

А вот и первое произведение светской литературы – «Слово о полку Игореве». Лирическое и прекрасное, но выступил князь... как бы это... непобедно. Поход не продумал, взаимодействие с другими не наладил, приметами скверного исхода пренебрег, был разбит, попал в плен, слава Богу бежал, молодая жена дождалась – вот и праздник: жив остался. Погибших много, вернувшихся вроде и нет даже, но об этом

умалчивается. История трагическая, но на подобные подвиги не вдохновляет.

Потом пришли монголы и, согласно многовековой официальной версии, было татаро-монгольское иго. Страдали под гнетом. Победили их в Куликовской битве. (Битва непростая: на месте побоища никаких следов археологи не нашли, а вообще места никто толком не знает.) Потом еще сто лет иго продолжалось, но через сто лет все же рухнуло. (Про то, что Орду сокрушил Темерлан, после чего она и не поднялась – школьникам не говорили.)

Потом был сумасшедший садист Иван Грозный, изобретавший невиданные доселе пытки и казни, от коих никто в любой миг не был застрахован – вины не требовалось, достаточно было желания государя. (При нем же были уничтожены или переписаны библиотеки, отредактирована история.)

Потом прошла исполненная всеобщих предательств и резни Смута.

Потом – Великий Петр, слово его было законом.

Вопрос: ну, и какие тут условия для возникновения оптимистической, жизнеутверждающей литературы? Да вся допетровская литература, дошедшая до наших времен, была столь ничтожна числом и объемом, так это включая церковную, с житиями святых, с летописями; «Поучение» Владимира Мономаха, «Моление» Даниила Заточника, «Слово о погибели земли Русской» и «Житие Протопопа Аввакума»... «Повесть о Петре и Февронии». А строго говоря, ли-

тература светская появилась на Руси, ставшей Россией и Российской Империей, тогда же, когда наука, образование, кораблестроение и так далее: волею императора Петра.

Вот условно с 1700 года мы можем говорить о русской литературе. Но говорить можем, а литературы еще все равно не было. Ее живая жизнь проявилась только в середине века: Иван Барков. Чтение веселое, но на фоне нынешней порнографии может привлечь подростка только как экскурс в фольклор – касание родной истории, так сказать, на уровне словесности. Однако школа всегда считала Баркова непедagogичным и преподавать отказывалась категорически. А ведь его стихи, ну и поэма известная, очень даже могла бы приохотить школьника к родной литературе, причем еще XVIII века! И жизненного оптимизма ему прибавить, жизненной активности, да и дать почувствовать близость к родной поэзии! Но – не судьба; понимаем...

И лишь к концу века появляются Фонвизин, Радищев и Державин. Читать язык Радищева сейчас школьнику решительно невозможно, что касается рабства, то бишь крепостного права – он и так против, а с царизмом полный непротык: последний император признан святым, история России – гармоничной и единой, осуждение зверств царизма уже не в моде и не в тренде – отстаньте от детей! Про Державина достаточно знать, что сходя в гроб он благословил Пушкина. «Недоросль» же фон Визена сочинение бесспорно достойное и смешное, но за два с половиной века язык русский

изменился настолько, что для изучения именно в школе это сочинение, никогда не объявлявшееся шедевром стиля или устоем языкового канона, невредно было бы несколько адаптировать стилистически, что ли, переложить на язык более удобоваримый сегодня.

Сатиру мы уважаем, старик Скотинин прекрасен, не только учиться, но и жениться сегодня отроки (и отроковицы) желают отнюдь не всегда, эмансипация, – но все-таки образ болвана вряд ли есть образец для подражания, да? Не вдохновляет.

Литература века XVIII сегодня, как и тем более древнерусская – это музей литературы. Это можно и нужно хранить и изучать – но отнюдь не школьникам. Они могут иметь краткие сведения о вершинах и шедеврах? Допустим, это невредно. Но с точки зрения литературы, ее воздействия воспитательного, эстетического, просветительского – это балласт, груз мертвый, хранимая в Википедии пассивная информация. Сейчас так не говорят, не пишут, и проблемы конкретно другие, и весь мир другой.

Но начали мы с этого всего, упомянули все вышеперечисленное – совершенно не зря. Ибо вся предшествующая литература дает представление о характере народном, о русском национальном характере, о мировоззрении народа, о представлении культурной элиты народа о своей стране и истории, о том, на что страна и народ способны, каков человек, чего он хочет и что может.

Богатырь Пересвет, нестигаемый протопоп Аввакум, влюбленные Петр и Феврония – как-то растворяются в густой специфике древних времен, в трудной уже архаичной стилистике, в лаконичном и лапидарном древнерусском изложении. Образы прекрасны – но музейны уже давно, понимаете...

И вот появляется кто? – Карамзин! Великая фигура русской словесности!

Он фактически реформирует русский язык – создавая язык литературный, новый, закладывая наш язык современный. Отказывается от массы рудиментов церковнославянского, отказывается от тяжеловесных, неудобоваримых форм немецкой грамматики, отгерманской лексики, вошедших в русский язык с реформой петровской. И переводит русский на рельсы просторечно-разговорные и французские. Легкость фразы, изящное интонирование, все эти точки с запятой, которые и поныне невозможно теоретически аргументировать с точки зрения академической русской грамматики.

Да никто не ввел в русский язык столько новых слов, сколько Карамзин! «Влюбленность», «вольнодумство», «человечный», «первоклассный» и еще многие десятки слов – это все Карамзин! Это он – или скалькировал с французского, или ввел из просторечий, как «кучер», или вообще придумал!

Он посетил Европу в дни роковые Великой Французской

революции и написал «Письма русского путешественника» – с него начался сентиментализм в русской литературе, с него начался и жанр путевых дневников в ней.

Он издал многотомную «Историю государства российско-го» – и свою историю впервые стало как-то связно знать хотя бы образованное сословие. Да он впервые русскую историю объемно и внятно обобщил, впервые создал общий ее курс!

Он писал стихи – впервые в русской поэзии легкие, мелодичные, лиричные – после тяжеловесных строф Державина и Тредиаковского. Он писал повести, он редактировал журналы!

И остался в нашей памяти, в преподаваемой литературе – прежде всего «Бедной Лизой», которая несчастно влюбилась и утопилась...

Не будем поминать сейчас долго «Страдания юного Вертера», прогремевшие в Европе (также в читающей России) пятнадцатью (двадцатью?) годами ранее. Да, Лиза – родная русская сестра Вертера, родство и вторичность, подражательность которой, как и всего русского сентиментализма относительно немецкого – бесспорна. Но! Карамзин был фигурой огромной, мощнейшей, недаром увековечен на памятнике «Тысячелетие России». Почему же русский вкус, склонность, традиция, что угодно там еще – склонились именно к «Бедной Лизе» как образцу его творчества, как к тому, что надо знать школьнику?!

Вы меня простите за плебейское кощунство, но тому, кто

именно внедрил несчастную Лизу к обязательному школьному изучению – мощный умелый адвокат вкатил бы здоревеннейший иск: за склонение неокрепших подростков к суицидальному настроению. К пессимизму и мыслям о суициде. Да ведь это – попытка разрушить душевное здоровье подростка, в конце концов! Вульгарно звучит? Вульгарно. Но! А ничего более жизнеутверждающего вы у Карамзина не нашли?

Да чтоб вы все сгорели – именно школьникам нужны прежде всего книжки с хорошим концом! Их еще жизнь будет лупить по голове и всем нежным местам до самой до могилы – им прежде всего необходимо умение выстоять, иметь цель и добиться ее, им нужна вера в свои силы, и еще – в них необходимо вдохнуть веру в то, что люди – в общем хорошие, не гады, не обманщики и воры, а если есть порок – он должен быть наказуем! Порок должен быть жестоко наказан – любой ценой, добродетель должна торжествовать, справедливость должна быть установлена!

Можете ржать сколько угодно, и никто не призывает воспитывать дебилов – но: вы со статистикой подростковых самоубийств в России знакомы? Почему Голливуд воспитывает человека в духе: ты должен творить справедливость своей собственной рукой, ты должен быть сильным и карать зло – а мы учим детей «Бедной Лизе»? А в результате – бедная страна! Бежать и утопиться – нас опять обманул нехороший дядя!.. Разворованная, согнутая в бараний рог бандитами, с

забитым народом – вы на чью мельницу воду льете, товарищи преподаватели? Страданий нам и без Лизы выше крыши.

Вот Жуковский, Василий Андреевич. Основоположник русского романтизма в поэзии. Учитель императрицы, наставник цесаревича. Автор государственного гимна, на минуточку: «Боже, царя храни». Да, текст небогатый – но Империя слушала стоя, черт возьми!

Поэт замечательный, автор прославленных баллад и сказок, ввел новые размеры в русскую поэзию. Н-но – для школы как-то не очень. Да и не в школе дело – в нашем представлении о табели о рангах русской классической литературы – да, хорош, но – ряд не первый.

Однако при жизни, современниками – именно Жуковский был Номером Первым русской поэзии! А Вторым – Крылов. Иван Андреевич же. Басни. Даром что Лафонтен в основе и Эзоп часто в первооснове. Но – легко, доходчиво, остроумно, интересно, мастерски сколочено, а глубокомысленно как! – современники были в восторге.

Одно в этих баснях плохо – не могу вообразить нынешнего школьника, которому это интересно. Мы их – в середине XX века! – зубрили как повинность, с легкой профессиональной тоской школяров.

Однако. Вот был Фаддей Булгарин. Ну, ругался с Пушкиным – так ведь это не приговор суда, Пушкин вообще много с кем ругался, одних дуэлей двадцать три. Что доносы писал – клевета и бред, давно доказано. Вот этот Булгарин, сей-

час только одно о нем помянем – написал знаменитейший роман «Иван Выжигин». Тираж небывалый – более 10 000 (для сравнения – у Пушкина было 1000). Первый русский роман вообще! Он же – первый русский плутовской роман, он же роман нравов, роман бытоописательный, написан легко. Переведен тут же на восемь европейских языков – такое с русской книгой было впервые! Критика была блестящая. (Ну – он еще как бы наш Жиль Блаз, но уже и Чарльз Диккенс, – это чтоб не читавшие – а его сегодня никто не читал – могли составить себе какое-то представление.) (Здесь мало преувеличения.)

Герой с самого низа проходит через массу испытаний и занимает приличное место в жизни. Характер народный – выносливый, сметливый, стойкий, оптимистичный. Конец хороший. Автор – фигура крупнейшая, любимая читателем, уважаемая властью, знаемая всей грамотной публикой, разбогатевшая на гонорарах и рекламе от своей газеты.

Фигу вам! Не будем мы это читать, и знать, и помнить не будем. Не нужны нам такие удачники из тертых-битых мальчишек. Вычеркнули Булгарина потомки, переписали историю.

Ладно. Вот Михаил Загоскин, «русский Вальтер Скотт», как называли его современники. Роман «Юрий Милославский, или русские в 1612 году». Оглушительный успех, огромные тиражи, всероссийская слава. Он на радостях следом написал «Рославлев, или Русские в 1812 году». Опять

успех, масса переизданий. Вот кто не верит – прочитайте: вполне сносная и сейчас даже книжка.

Что интересно: и «Иван Выжигин», и «Юрий Милославский» вышли в 1829 году; «Евгений Онегин» в 1831 целиком, и прозвучал гораздо тише. Но диспетчеры литературы, литературоведы, критики и журналисты, историю несколько перекроили. И вместе с водой выплеснули позитивного героя. И наше нынешнее представление о русской литературе первой трети XIX века имеет весьма мало общего с рельефом и пейзажем родной литературы, который имел место в действительности и среди которого проживали читатели и современники.

Возникает такое ощущение, что русские литературоведы-потомки ненавидят героев, ненавидят сильную личность в принципе, им ненавистен оптимизм, они проповедуют страдание и бессмыслицу. И как только торчит гордая голова над серой гладью родной истории – ее этэс по маковке! бульк! и все опять ровненько – все страдают.

Возможно, в русский психотип действительно заложена потребность страдать?..

...И вот появляется гений истинный, загадочный, блестящий – Александр Сергеевич Первый. Грибоедов. «Горе от ума». Чацкий.

Вот он – Чацкий: первый Лишний Человек в русской литературе! Грибоедов ум имел едкий и тонкий. «Общество» и «общественное мнение» не презирал – он просто легко

издевался над ним, воспринимая «свет» как зоопарк. Что не мешало сверкать в свете, крутить скандальные романы, иметь хорошие отношения едва ли не со всеми литературными кучками и группировками и вызывать зависть головокружительным восхождением карьеры.

Чацкий – лучше всех. Умнее, просвещеннее, благороднее. Верен идеалам и порывам юности, юношеской дружбе, юношеской любви. Ну, и что ему делать среди реальных людей, их жизней и взаимоотношений? В этот мир он не вписывается – слишком высоки требования, идеален он. А переделать этот мир – ну-у, таких и мыслей нет. Хемингуэевский подтекст? Его время наступит через сто лет. Чацкий как скрытый будущий декабрист? Знаете – это тоже был бы интересный современный спектакль: Чацкий – революционер. Или ученый, путешественник, гомосексуалист; психосадист, мучающий людей воспоминаниями о невозможном счастье, педофил, не могущий смириться с тем, что девочка Софья повзрослела. О, для современного режиссера здесь раздолье!

Но факт высится в русской литературе незыблемо, как скала посреди пролива: первая крупная и знаковая фигура в нашей классической литературе – Лишний Человек.

Нечего делать в этой стране людям умным, принципиальным, благородным, жаждущим честно служить пользе Отечества. Осмеют и изгонят. Милый вывод, а? Очень вдохновляет на подвиги во славу Родины.

Пушкин так и написал: «Черт догадал меня родиться в

России с душою и талантом». И Гога, великий Товстоногов, вывесил эти слова эпитафией к своему гениальному спектаклю «Горе от ума»: черные летящие строчки на белом прямоугольнике в верхнем правом углу зеленого, закрытого еще, занавеса. Через пять спектаклей эпитафия приказали снять!..

Да, так вот и Пушкин. Н-ну-с?

1830 год, напечатаны «Повести Белкина», гениальная короткая проза. Вершина – «Станционный смотритель» – умер бедный старик, разбитый бегством дочери с офицером. Внимание: вот он – первый Маленький Человек в русской литературе.

(Простите – невольная мысль, навеянная современными нравами. Гендерные отношения в русской классической литературе правильные, прогрессивные: Первой была бедная девушка Лиза, которая утопилась в пруду, а уже Вторым Лишним Человеком был мужчина, станционный смотритель. И! И! Возможно, когда старик был юн – по реальному календарю, кстати, это около сорока лет назад – как сходится время! – если бы он женился на юной бедной Лизе – что за союз, что за несчастья обрушились бы на их головы!.. М-да, они и так обрушились. Если человеку суждено стать несчастным – Господь найдет способ непредсказуемый.)

А вот и лишний Сильвио: угробил свою жизнь ради ответного выстрела и сгинул.

А вот и потрясающий и гениальный «Медный всадник»,

мудрый, трагический и беспощадный. Евгений – получите образ героя. Маленький человек, уничтоженный стихией Великой Империи.

А вот стойкий и благородный Дубровский, сгинувший неудачник.

Но была ведь и «Метель», и «Барышня-крестьянка», и стойкий винтик Империи маленький офицерик Петруша Гринев – конец хороший, свадьба и так далее. Но ни фи́га – высится надо всеми гигантская фигура Евгения Онегина.

Литературные достоинства и резоны прекрасны и понятны. Это уже антисентиментализм, антиромантизм, антисюжетность, антиприключенчество – недаром Пушкин любил Стерна. Для своего времени «Онегин» – это даже модернизм, отказ от канонов, циничная пародия на романтизм в письме Ленского, изложение стихами того, что до этого в поэзии не мыслилось: то есть тут нет ничего поэтического с тогдашней точки зрения, в тогдашней традиции, в тогдашнем представлении о сущности поэзии. Это был наглый эстетический бунт! И герой – не героический, не байронический гордый и отверженный одиночка разочарованный во всем – а благополучный разгильдяй, которому в жизни просто делать нечего.

О'кей, мы все понимаем. Но на фи́га нам нужен по жизни сей никчемушник, трутень, циник и раздолбай? Он страдает? Это нам, знающим о колымских концлагерях, подвалах Лубянки, нищете колхозников, говорят об его страданиях?!

Нам бы его проблемы, с его-то доходами, здоровьем и внешностью. Это обвинение обществу тому? Нас от своего-то общества тошнит, нам бы своих наследничков богатых дядей перевешать с конфискацией, нам о своей стране думать надо, как выжить дальше, как самому-то жить на зарплату, в частности!

Чему может научить Евгений Онегин? Что он может дать, передать, вселить в читателя хорошего, сделать его умнее и лучше, помочь жить как-то? Что надо иметь много денег, никаких обязанностей, метко стрелять, троллить друзей и влюблять в себя девушек? Знаете, для этого есть куча литературы специальной.

Значит – для понятности. На художественный уровень «Евгения Онегина» я не махаюсь ни разу – я восхищаюсь. Это сейчас. А в школе ни фиги не восхищался. До фени было. В школе мы читали Евтушенко и Вознесенского, Багрицкого и Симонова мы читали.

Но что касается уровня идейного Евгения Онегина как одного из центральных героев русской классики – ладно, мне до фонаря, я человек уже устоявшийся, для меня он – экзерсис поэта, музейный персонаж, штрих юного образования. Но вот то, что Лишний Человек – сидит на троне русской литературы! – вот это симптоматично. Заставляет задуматься.

Если литература отражает жизнь – жизнь наша какая-то вывихнутая, и представление о ней вывихнутое, и идеал не то треснул, как зеркало, не то помялся, как пончик.

Пушкин был таки да великий русский гений, и вот великая «Сказка о рыбаке и рыбке»: нет сил вылезти из нищеты, подвалит чудо, выловишь ее, золотую, и голова кругом, разинешь рот шире возможного – и не быть старухе ни столбовою дворянкой, ни царицей, ни уж тем более владычицей морскою, а сидеть вечно развалиной у разбитого корыта, дожидая век свой в воспоминаниях о былом величии и собственной незадачливости. Да это аллегория всей истории русской, всей жизни нашей многострадальной...

А вот и Лермонтов, а вот и Печорин!

Прекрасный «Маскарад» – профессиональный игрок Арбенин, катала то есть, на сегодняшнем новоязе, приклатненной фене, приревновал жену и отравил, а после рехнулся сам. Откровенный парафраз «Отелло». Но там – герой, чу-жак, защитник отечества – и полюбившая старого рубаку за «былое и раны» юная аристократка – а здесь современное бытовое снижение, опрощение: и он полумаргинальный никто, и она тихое безответное создание. Мораль? – есть: верьте жене, не верьте сплетням, и лучше не играйте в карты.

Байронизм сжигал Лермонтова! «Демон» как аллегория разочарованного всемогущества, отверженного гордеца. «Мцыри» как гимн борьбе и свободе (простите ради бога ходульный оборот, но правда ведь).

«Толпой угрюмою и скоро позабытой...» – писал Лермонтов о поколении. Чайльд-Гарольд, перепутавший стилистику страны, занесенный в реестры, вписанный в Табель о рангах

Российской Империи; Наполеон без Франции, без революции, без сжигающего честолюбия и жажды свершений.

И вот – шедевр, бриллиант! «Герой нашего времени». Язык как родниковая вода, мысль как серебряная чеканка, вселенская печаль как... я не знаю... бог заплакал над безнадёжностью бытия!..

Закомплексованный задира Лермонтов, сам невысокий, коротконогий, широкий и плоский, хотя сильный, лысеющий с юности, злой и насмешливый храбрец – написал идеального героя. О, Печорин!.. Стан строен и гибок, густые кудри вьются, и вообще – абсолютный красавец, белокурая бестия, храбр, силен, ловок, хладнокровен, дерзок, обаятелен неотразимо, вдобавок богат и щедр. Истинный супермен. Ницшевский Заратустра по сравнению с ним просто тупой дикарь, дубина. Первый истинный супермен в русской литературе. Он же и последний.

Подвиги его подобны геракловым. Несчастную семью «честных контрабандистов» пустил по ветру, буквально уничтожил. Бэлу погубил, убил ведь. И семью ее разорил: брат в разбойники, отца убили, другой разбойник скорбит по утраченному сокровищу – любимому коню: прах и пепел! А вот прекрасный, гениальный психологический роман: «Княжна Мери». Восемнадцатилетнюю девушку расчетливо увлек так, что бедняжка в беспамятстве первая призналась ему в любви, на что ей сообщил, что она ему не нужна, и оставил ее страдать дальше без надежды. А над простодушным при-

ятелем без причин поиздевался, озлобил его и пристрелил на дуэли. Да, годы спустя встретился со своим начальником крепости, где служил, старик бросился ему на шею – Печорин отстранил его холодно и говорил как с чужим; это называется не то заноза в сердце, не то в душу плюнуть. Завершение портрета: да в гробу видал я вас всех.

Во-первых, как вам нравится точная модель «Онегина»: девушку увлек от скуки и снисходительно-холодно объяснил, что она ему – фью!.. А друга поддел, завел и застрелил. А самому скучно, делать нечего. Хотя, конечно, томится и страдает. И средства есть. «А верно, было мне предназначение высокое». Это может сказать о себе любой незаурядный негодяй.

В школе на перемене, после урока литературы, мы прямо с возмущением сходились в том, что Печорин был подлец, именно негодяй, далее шли характеристики непечатные. Да если бы у нас кто такое сделал – набить морду, и пусть переходит в другую школу! И не фиг это «страдающий эгоист» – он че страдает? Если так смотреть – мы все страдаем, и побольше, чем он! Нам что, жить легче? Да ему делать не хрен, в колхоз его загнать – тогда узнает, как страдать, он рыдать будет по утерянному счастью!

Школьная постановка вопроса, что Печорин не гадина, то-се глубокий образ, нам была совершенно фальшива, надуманна, неприемлема. Ни один из нас не хотел бы жить рядом с таким человеком. То есть мы были ребята с нормаль-

ной здоровой психикой, с нормальными представлениями о жизни и людях.

А вот представление о жизни и людях у толкователей русской литературы, у ее диспетчеров и законодателей мнений... об этом мы вскоре еще скажем.

Но сначала – Гоголь. Чудные отфольклорные мотивы «Вечеров на хуторе...» и «Сорочинской ярмарки» – хорошо, понятно; и гиря на чаше весов славянофилов в очень остром тогда споре. «Тарас Бульба» прекрасен, герой-патриот, режет и рубит басурман, ляхов и жидов. Некоторые современники сравнивали с «Илиадой» по величественности, эпичности, героичности; Гоголю это льстило. Наша местная тоже «Илиада». (Сейчас вот не знаю – на Украине как: ведь в «Бульбе» всех побеждает русская сила, а дело на Украине; сложно живем...)

Бессмертный «Ревизор» – мелкий проходимец на фоне провинциальных идиотов.

Бессмертные «Мертвые души» – мелкий проходимец на фоне провинциальных идиотов.

А потом Белинский, неистовый Виссарион, произнес историческую фразу: «Все мы вышли из гоголевской «Шинели»» – и Акакий Акакиевич Башмачкин, мелкий чиновничек ничтожный, встал во весь свой небогатый рост, и тень от него легла такая, такая! что в этой тени пошло все развитие великой русской литературы!.. И в XX век эта тень дотянулась, и сейчас многие там в ней шевелятся и слова разные

новые придумывают, якобы новые направления изобретают.

Как там пела прекрасная молодая Доронина Роберта Бернса в переводе Маршака: «И первым любовным туманом меня он укрыл, как плащом...» Любовным туманом, как плащом, накрыла чиновничья бедная шинель всю русскую литературу, и она стала искать свою судьбу «На рынке у самой дороги, где нищие рядом сидят...» Но в поэзии мужика-шотландца была гордость, и лихость, и абсолютная стойкость, и щедрая безоглядная любовь, и абсолютная нераскаянность в своей беспутной, но счастливой жизни, и готовность платить полную цену за былое счастье – и гордиться им, и радоваться жизни, и пить во здравие! Вот никогда не было этого в русской меланхоличной поэзии, в русской чувствительной и сострадающей литературе. А вот кровь не та, дух не тот!

Лиза и Станционный смотритель были маленькие люди, Онегин и Печорин лишние люди, и все они были страдающие люди, хотя страдания барина и простолюдина – вещи бывают весьма разные.

Акакий Акакиевич – стал Главный Маленький Человек. Который не жил никогда хорошо – нечего было и начинать со своей шинелью. Но черт побери! То была эпоха Николая I Палкина! Он любил порядок во всем, государство выстраивалось по ранжиру, шинель была уставной формой одежды государственного служащего, а через него государство охватывало всех и вся. Шинель была формой одежды Империи!

Шинель, если чуть-чуть всмотреться, становится государственным символом, символом служения отчизне, умения устраивать свои дела, верноподданности, статуса.

А маленький человечек обгрызен, неполноценен, бессилен. На нем фокусируется вся безжалостность государства, вся черствость общества, весь эгоистичный сволочизм этой жизни. Новелла (повесть) удачна до крайности, гениальна. И! Гениальность автора – превращает героя, который жертва, который ничтожество, привидение, слух, – в гигантскую фигуру, знаковую, мощную! Кто – гигантский, мощный, аж символический, прославленный и знаменитый? Пострадавшее ничтожество. Доброе, беззащитное, безвредное, несчастное, – но ничтожество!

И!!! Ничтожество стало культовым!!! Положительным, достойным, хорошим, объектом жалости и всяческих гуманитарных чувств и мыслей.

И первая шеренга, геройская когорта русской литературы приняла в свои ряды еще одного... члена... жертву... носителя несчастий. Великого неудачника.

А у неудачника, между прочим, есть такое свойство: он распространяет вокруг себя несчастья. От него лучше держаться подальше, себе спокойней выйдет. Неудачник заразен, он инфицирует окружающих. Сочувствовать можно, помогать похвально, хотя бесполезно; но лучше все на расстоянии.

А у нас старательно отбираются неудачники – и просто

внедряются в коллективное бессознательное! Методом вбивания со школы!

И тут, если остановиться и перекурить, вперившись взглядом в недавние для тех классиков времена, возникают картины интересные, а картины рождают вопросы.

Вот Россия в Семилетней войне, вот аннексия (недолгая) Восточной Пруссии с приведением жителей в российское гражданство, приведение поголовное к присяге российской короне. Вот взятие Берлина – пусть кавалерийский набег, пока Фридриха с армией не было дома, а потом мы быстро смылись – но все равно: брали же Берлин! И были герои сражений, и взлеты карьер, и слава русского оружия. И – ни хрена русские классики этим не интересовались.

Завоевательные походы Румянцева, Итальянская кампания и Швейцарский поход Суворова, грандиозный век Екатерины, Потемкин с завоеванием и освоением Новороссии и Крыма; основание Одессы и Севастополя, закладка и стремительное создание Черноморского флота, головокружительные карьеры вельмож – людей титанического духа, стальной воли, жадных и коварных, как дьяволы, ослепительно разбогатевших, как крезы; и – ничего! Для нас сегодня – ну ничего же нет в русской классике обо всем об этом. Не колышет их. Как не своя страна. Ода Державина на смерть Суворова – кто это сейчас читает, и вообще слышал, кроме филологов. Что мы знаем о взятии Очакова и завоевании Крыма – события важнейшие в русской истории, массы лю-

дей коснулись? А: «Сужденья черпают из забытых газет времен очаковских и покоренья Крыма!» Все? Так точно, вашбродь, усе.

Ну-у, а Ломоносов (по главной версии), неграмотный крестьянский сын, с обозом дошел до Москвы – и стал гордостью русской науки? Да на фиг.

А русские первопроходцы, колонизаторы, наши фронтиеры, освоители и присоединители Сибири, Камчатки, Аляски, фактории в Калифорнии? А, не больно-то и интересно.

В 1820 году Беллинсгаузен и Лазарев открыли Антарктиду. Новый материк. На минуточку. Который веками предполагали, предсказывали и безуспешно пытались обнаружить. Обледенелые парусники у Южного полюса! Но, сами понимаете, к русской литературе это отношения не имеет и писателей не затрагивает.

Мы безусловно согласимся, что искусство – и научные открытия, а равно прогресс социальный, политический и во всех прочих формах – вещи разные, и предметами занимаются разными, и литература не есть описание прогресса, но изучение и демонстрация души человеческой и акт эстетического креационизма, если допустимо так выразиться. Но!! Я-то о чем!! О том, что в российской жизни было кое-что, и даже немало, что могло служить чувству гордости в человеке, сознанию своей причастности к великим делам, подтапливать то есть к оптимистическому взгляду на жизнь и че-

ловека: вот что человек может, вот что человек делает, вот он каков, на какие трудные, невысказанные, фантастические, героические вещи он способен!

Да фигу. Не колышет. Знаете, это ужасная мысль, недостойная, но: главного героя русской литературы, маленького человека, а также лишнего человека, не волнует вообще ничего – кроме собственного благополучия и собственных несчастий.

Он не винтик Империи – он червяк Империи, который корчится под ее пятой или изнывает от скуки в ее кармане. Мы еще вернемся к этой мысли.

Едем дальше – видим больше.

Гончаров Иван Александрович. Обломов. Лежать на диване. Безволие. Прекрасная душа расслабилась донельзя и скисла. Сгинул в сытости и лени. А вот его же Адуев («Обыкновенная история») – подергался по молодости, пострадал, повибрировал – и стал делать бессмысленную чиновничью карьеру. А его прожженный дядюшка-циник-резонер-наставник движется во встречном направлении – разочаровался в карьере, проникся покаянной любовью к кроткой жене и бросил службу вообще, лечить ее за границу поедет.

Обломов, от которого произошло даже слово из активного словаря «обломовщина», превзошел влиянием самого Акакия Акакиевича. Как славно и спокойно ничего не делать. О, автор скорбит, осуждает, показывает и предостерегает: какой милый, тонкий, добрый человек, и вот – эта сонливость

русская традиционная, сон послеобеденный, эта любовь пожрать, эта покладистость... губят, понимаешь. В Спарте его били бы палками, заставляли бегать целый день с оружием по горам, кормили черной похлебкой, учили терпеть боль – ничего, не сдох – так стал бы человеком. Покажите нам такого Обломова! Чтоб один сдох – а второй стал человеком! Но: особенность:

Национальная особенность русской классической литературы в том, что она ненавидит активную жизненную позицию. Не приемлет. Такие испытывает чувства, что в победу над несчастьями мы не верим, к величию державы отношения не имеем, героев в упор не существует – зато над всем, заслуживающим внимания, можно только плакать!..

Нет, я не прав. Вот вам пример очень активной жизненной позиции: студент с топором, Раскольников наш, который не тварь дрожащая. Раскольников – это анти-Обломов. Наш ответ лорду Керзону.

Живет история, как Некрасов с Григоровичем (вариант – без Григоровича) ворвался к Белинскому (вариант – ночью) с криком: «Новый Гоголь явился!» – и кинул на стол рукопись «Бедных людей».

Некрасов и сам был прекрасен. «Выдь на Волгу – чей стон раздастся?» «Ни стоны из ее груди, лишь бич свистел, играя. И музе я сказал: гляди – сестра твоя родная». «Есть женщины в русских селеньях... – в горящую избу войдет». Что значит войдет – она живет в ней! «Кому на Руси жить хорошо»?

Да всем плохо! Одним концом по барину, другим по мужику. Богатые тоже плачут. Крестный, стало быть, отец Достоевского.

Жизнь «Бедных людей» беспросветна – достать чернил и плакать, как сказал в следующем веке другой поэт. «Униженным и оскорбленным» живется вряд ли лучше, как вы понимаете. И вот, пережив гражданскую казнь, каторгу, солдатчину, Достоевский вернулся в литературу. Протест гневный зрел в нем! И вызрел. Топором по маковке старуху-процентщицу, ну и заодно сестру ее глухонемую. А вот чтобы доказать себе, что героическая личность выше толпы и на все имеет право.

То есть Достоевский примеряется к Наполеону с линейкой и микроскопом школяра: где Наполеон в громе армий и кипах договоров переделывает всю Европу – там русский студент убивает старушку. Ему плевать на цель и масштаб деяния. Главное – я тоже могу убить, раз мне надо. То есть: великий классик равняет уголовника, который режет прохожего за кошелёк – с повелителем Европы, обуреваемого идеалами и пытающегося установить мир с соседями на своих, однако, условиях, обеспечив могущество родины. Существенно только одно: могу убить или нет.

Достоевский довел идею до абсурда, методом предельного упрощения сведя проблему Наполеона к Раскольникову – чем Наполеона безусловно принизил и заклеил как идею и дьявольское создание. Но! В результате! Там, где во

Франции Наполеон – там в России больной и бедный студент-недоучка с топором. Каждому свое. Писателю отдельный респект.

А ведь юный Наполеон был гораздо беднее Раскольников. Жил впроголодь, на нищенское жалованье еще брата содержал, дела семьи посильно устраивал. Но натура была иная! Писал романы, искал перспективной службы за границей, рыл землю, был убежден в своей удаче и славе! И когда случилась революция и удача стала возможна – он сам создал ее, был готов к ней более, чем кто-либо другой!

«Преступление и наказание» – убийца и проститутка. О, он мыслит, она благородна, им открывается Евангелие – и рука об руку в новый счастливый мир. «Идиот» – идиот. Единственный благородный человек среди уродов – нормальных людей. Так они тоже ненормальные: истеричная содержанка и истеричный же купец с наклонностями убийцы, каковые он и реализует. Злая пародия на «Кармен». Все прочие персонажи – люди с собственными вывихами. И «Братья Карамазовы» недурны. Содержанка, старый развратник, моральный урод-убийца – ну и, конечно, правда за тем, кто ближе всех к православному богу.

Вот три главных романа великого русского писателя Федора Михайловича Достоевского – и вот три главных их героини: три проститутки. Одна уличная, две на содержании. При каждой – по старому развратнику, любителю свежей клубнички. Три главных героя: убийца, сумасшедший эпи-

лептик и монаший послушник.

Я понимаю. Есть и убийцы, и сумасшедшие, и проститутки, и содержанки, и даже купцы и монахи. Но здесь речь идет о главных героях главного писателя земли русской – и что? Именно убийцы и проститутки есть самые характерные герои народа? А получше никого нет? Есть – парнишка из монастыря. Раскольников, Мышкин, Рогожин, Смердяков, так к ним еще Верховенского из «Бесов» прибавьте. И их подруги: Соня, Настасья Филипповна, Грушенька. Скажите: а честные женщины в России были? А вдруг да кто женился по любви, медовый месяц провел, через полвека в кругу детей и внуков золотую свадьбу отметил? А вдруг кто жизнь в сражениях провел и жив остался, выслужил чины и ордена, уважали его за дело? А еще были врачи, учителя, булочники, купцы без психопатии, и даже профессора водились в России, даже ученые иногда случались. Архитекторы были, инженеры, свободные казаки на юге жили да от Днепра до Забайкалья. Вы понимаете: кто-то пахал землю, ковал металл, шил одежду, строил дороги, издавал газеты и ловил рыбу в холодных северных морях. И ни хрена!!! Проститутки и психопаты!!!

Эти письменники бывают со своими странностями, знаете. С творческим взглядом на мир. Избирательное зрение. И провалиться мне на этом месте – но иногда в их творчестве прорываются их комплексы. Ведь что ни пишет писатель – он все равно всегда пишет свой автопортрет. Это он так ви-

дит мир, это его мысли и чувства воплощаются в героев и их отношения и поступки. Собственно, это должно быть даже банально, то, что я сейчас сказал; иначе и быть не может.

Вот Тургенев был, в отличие от большинства литераторов, обычно людей хиловатых, щупловатых, закомплексованных и так далее, не мачо, не суперменов – Тургенев был красавец. Рослый, стройный, представительный, вид имел холеный, густые русые волосы выются, баритон бархатный: смерть дамам. Но его несчастный роман с Полиной Виардо, которая вила из него веревки, а он терпел любые унижения, только деньги летели, окончательно сформировал его (после мало-приятного детства, где отец ушел от нелюбимой матери с ее деспотичным характером). Некрасивая и блистательная певица Виардо жила с мужем, имела детей, меняла любовников, а Тургенев, уже прославленный писатель, в Европе – самый известный русский писатель, жил обычно как бы в их семье. У них с Полиной был общий ребенок, но она держала бедного Тургенева в железной узде, эта «сажа да кости», была у нее такая кличка, пардон, прозвище в кругах света.

Тургенев писал хорошо! И романы его хороши! Они и сегодня прилично читаются, и мысли в них разумные, глубокие встречаются, и язык чист и легок. А вот и герои. И их судьбы.

Базаров. Новый человек. «Отцы и дети». Реалист, «мастерской в природе», гражданин, начинающий ученый, доктор. Умер. Заразился и умер. Молод, здоров, вынослив – ну что?

Порезался, заразился, умер. Скажите: Тургенев его с какой целью убил, какой смысл вложил? Что не будет русского ученого, не встанет бедный разночинец вровень с реликтовыми аристократами? Но вдохновляет это, конечно, сильно. Помечтал? Пожалуйте на кладбище. Не фиг помногу планов строить.

Старшее поколение, Павел Петрович, в прошлом блестящий офицер, опустошен несчастной любовью, похоронил себя в провинции. Младшее поколение, Базаров, поступился принципами рационализма, влюбился в красивую вдову – безответно, будьте уверены. Это была разборчивая вдова. А счастливой любви не бывает, по Тургеневу.

Что мешало Одинцовой полюбить резко выделяющегося, незаурядного, эпатажного и энергичного, перспективно-го Базарова? Женщины таких нюхом чувствуют: это мужчина, не чета окружающей мелочи, это личность, у него великие цели, он в обаянии большого взлета и циничной суровости! Она ж в своей глуши со скукидохнет. Выйти замуж за Базарова, а ему на ней жениться: оба счастливы, нормальная семья, материальный вопрос решен, а кстати и неупоминаемый тогда сексуальный, можно спокойно заниматься наукой, приносить пользу людям, все ведь хорошо – ни войны, ни болезней не было, ну ведь нет никаких же серьезных препятствий. А вот фиг! Не переступит этот волк флажков! Да не волк ведь, а собака крашенная... это я уже о Тургеневе...

Что осталось от Базарова, кроме бедной могилки? Слово

«нигилист», оно и раньше было, но теперь вошло в обиход.

Инсаров. «Накануне». А вот и женился! А вот и счастливые! Оба молодые, красивые, умны, свободны, полюбили друг друга – ну что ж не жениться, в конце концов. И оба – новые люди, имеют идеалы, он так вообще борец-революционер, и вместе с Еленой он едет бороться за освобождение родной Болгарии от турецкого ига.

Как вы уже догадываетесь – не доехал. Вы сейчас будете смеяться, но Инсаров тоже заболел и умер. Простудился. Причем такой был здоровый, сильный молодой человек, там к ним как-то пристала пьяная компания еще в России, период ухаживания, так он самого наглого и здорового из приставал просто поднял в воздух и кинул в воду. А тут – простудился и умер.

Все может молодой и крепкий литературный герой, кроме одного – если автор решил его убить. Тогда хана. Молодой, здоровый, счастливый – отчего умер?! Отчего надо – оттого и умер. Простудился. Порезался. А надо – упал бы с лошади, застрелили случайно на охоте или поел на ночь грибков с кашей.

Вечные святыя слова «Первая любовь» – прекрасная такая и печальная была повесть у Тургенева. Юный Владимир любит Зинаиду, Зинаида любит его отца, отец вроде и не любит, и как бы любит Зинаиду, она ему покорна, но у него долг перед семьей и обязанности, он ее бросает, но сам тоже страдает. Любовный треугольник по-русски: несчастны все

трое. Шок – это по-нашему. Ей-богу, напоминает анекдот, простите за неуместное глумление: русский треугольник – барыня любит кучера, а кучер барина.

Финал: отец умер вскоре от инсульта, Зинаида умерла при родах, выйдя замуж за нелюбимого, травмированный Владимир грустит всю жизнь. Грустит – это хорошо, ладно, все грустят, но зачем надо уморить обоих?

Тургенев просто ненависть испытывал к счастливой и взаимной любви. самого мучили и водили за сладким – так и весь мир трагичен, у всех плохо, никто не счастлив. А у самого имение немалое, и Катков ему 400 рублей за лист платил – это сумасшедшие были деньги, Достоевский вечно завидовал, что ему вчетверо меньше. (Лист – нет, это не страница, печатный лист 32 страницы, потом фальцуется (складывается) и обрезается; тогда не обрезали, были ножи для разрезания книг.) Я понимаю Виардо: от этого талантливого красавца разило мировой безнадежностью.

Если Лермонтов был Чайльд-Гарольд русский гусарский поэтический... Тургенев – это Чайльд-Гарольд диванный. Чайльд-Гарольд либеральный барин.

Давно умный человек сказал, что несчастное детство есть условие возникновения писательского дара. В принципе и Пушкин с Лермонтовым были не шибко-то счастливы в детстве, не было там родительского тепла, и Некрасов с Тургеневым не очень... но что ж это за такая странная селекция у нас происходила!..

«Тургеневские барышни» – это что? Образованные, застенчивые, целомудренные, сверхчувствительные, доверчивые и бескорыстные – а еще неумелые, непрактичные, немного не от мира сего, романов не крутят, о положении в обществе не думают: вянут-пропадают, в народе это называется.

Господа! А ведь Лиза и Акакий Акакиевич, Онегин и Печорин, Обломов и Адуев, Раскольников и Мышкин, Базаров и Инсаров – господа, они же все бесплодны, господа! Они все лишние, все неудачники, все плохо кончают, никакого следа не оставив на земле! Это же проклятие какое-то!

И нет в них душевного величия, сносящих горы страстей, и цели великой нет, и идеалов нет, а если вдруг есть что – так нелепая, негероичная, случайная и бытовая смерть – отнюдь на самом деле не случайная, а закономерная, вот в чем горе! – смерть как неизбежная подробность жизни вырывает очередного дорогого товарища из наших рядов – пока он ничего не успел совершить, понимаешь.

Но вот вершина русской классики, какая глыба, какой матерый человечик, кого поставить рядом с ним? некого! – граф Толстой Лев Николаевич, этот жизнь знал, этот в гробу видал всех, кто ниже его ростом, как говорили в детстве у нас во дворе. Игрок, бабник, гуляка, разгильдяй, недоросль, юнкер, задира, боевой офицер крымской кампании, командир артиллерийской батареи – и вдруг автор повестей столь тонких о детстве, отрочестве, юности, полных такой психоло-

гии, таких деталей, что диву давались, откуда что, и он же – автор полурепортажных, откровенно реалистических «Севастопольских рассказов», уж эту жизнь понимал.

Вершина вершины – «Война и мир». Вот самый... устремленный к большим делам, что ли... к высоким целям и служения человечеству, и (для себя) заслуженной славы – князь Андрей. Первая жена умерла родами, вторая женитьба не состоялась по его, в сущности, вине – сначала последовал воле самодура-отца с годичной отсрочкой свадьбы, потом честь и гордость заставили отказать невесте, которая по юности лет и буйству гормонов, не перенеся одиночества, вдруг бешено влюбилась в светского красавца, хотя не было измены, как это раньше называлось, а была долгая тяжелая нервная болезнь. (А вы чего ждали, бросая на год прелестную шестнадцатилетнюю девушку неизвестно чего ради?) В результате князь Андрей гибнет дважды: сначала со знаменем в руках впереди атакующих солдат – в позорно проигранном Аустерлице – но выжил! но вывода сделать из своей смерти и спасения все же не сумел! – а уже насовсем – при Бородине: из гордости и глупо, отказавшись упасть на землю перед вертящейся шипящей бомбой. И первая жена умерла, пока он подвиги совершал глупые, красивые и пустые, и вторая не состоялась из-за гордого и глупого позерства, а ведь любил он ее, и она его, да уже поздно было.

Самый значительный герой великого романа терпит в жизни полное фиаско. А ведь этот еще из лучших, заметил

Атос.

Но конец в общем хороший, что традиционно для литературы вообще, и нисколько не характерно для литературы русской в частности. Автор мастерски свел все линии в узелки. Богач Пьер женился на Наташе, она счастлива семейной жизнью, а он занимается в кабинете некими неясными умственными занятиями; есть мнение, что он может быть близок к декабристам. Вообще Пьер неуклюж, силен, чист наивной душой как хрусталь, честно пытается понять мир и незаслуженно чрезвычайно богат, унаследовал состояние. Этот персонаж вызывает в читателе что угодно, но только не близкие чувства. А уж Наташу за полное растворение в семейных заботах избивали все, кому не лень.

А очень хороший и крайне незатейливый Николай Ростов женился на княжне Марье – даром что некрасива, но глаза какие – он ее очень кстати полюбил, потому что сам обнищал, а она очень богата, но брак не по расчету, это бы его морально запачкало в наших глазах, конечно. И стал он примерным рачительным барином.

Заметьте: естественность, любовь, деньги и счастье подаются в одном флаконе. Это принципиально!

Ну, а идеал человека – это крестьянин Платон Каратаев. А потому что не дергается, а полностью подчиняется обстоятельствам, плывет по волнам судьбы, по течению жизни – в том и мудрость, и правда, так и надо.

Здесь надо понимать что. Чего нет ни у одного толстоведа,

потому что литературоведы философией не особо интересуются, для них верх необходимой приличному человеку философии – это Ницше и Бердяев. То есть поэт-метафорист и рассуждающий о самых общих предметах без связи между ними болтун. Зато это доступно пониманию и принято. Еще Шпенглер и Шопенгауэр упоминаются. И экзистенциализм с постмодернизмом – полдюжины имен, не вникая глубоко в суть. О, слушайте, да они же образованные ребята, они же до фига знают, чего же я злопыхаю?..

Значит, так. Углубившись всей мощью ума, отдохнувшего в молодости в приключениях и удовольствиях, углубившись в постижение мудрости веков, Толстой принял для себя объективистскую социологию Конта. Это было тогда очень принято в науке, революционно, но уже признано, меж людьми учеными устоялось. Ну, очень кратко сейчас – сводится политическая философия Конта, позитивизм в эволюции социальной, к тому, что законы Истории – объективны! И от воли отдельных людей политические процессы не зависят!

А зависят от общего хода вещей: климат, расстояния, техническое развитие, история народа и дух народный, но самое главное (для нас сейчас) – это такое внутреннее чувство людей, поступающих вроде по собственному желанию для собственной пользы, что вот по жизни получается поступать вот так – оно объективно и правильно. То есть «невидимая рука рынка» Адама Смита – но уже не только для экономики, а всего устройства человеческого общества вообще. Стро-

ительство городов, ведение войн, изменение политического устройства государств – это все объективный ход вещей, который проистекает из частных желаний людей, но помимо их воли, сверх их личных желаний.

Ну типа: хотят свободы и равенства для всех – а получается гильотина, Наполеон, европейские войны и континентальная блокада. При этом хотели-то: кто должности, кто деньгу зашибить, кто врага наказать, кто что. А в результате – творится история, совсем не та, что люди себе воображали, совершая свои действия.

Вот по этой философии в романе Наполеон – придурок с манией величия: он думает, что все происходит по его воле, а на самом деле – ничего подобного, все своим порядком как бы само идет, подчиняясь неисчислимым обстоятельствам и мелким отдельным волям непредсказуемым на мелких отдельных участках. Вроде как Николай Ростов самочинно ударил с эскадроном по французским кавалеристам – и выигралось все сражение.

(Здесь Толстой интереснейшим образом соединяет антагонистов – бывшего Конта и будущего Поппера, но сейчас мы просто не можем об этом говорить, и так вовремя, похоже, не укладываемся.)

Поэтому. Наташа, Николай, Марья, Пьер – хорошие люди. Они естественные. Не дергаются. Не имеют ложной амбиции менять своей волей мир. Плывут по течению, исправно гребя.

А князь Андрей – объективно неправильный, ошибочный, даже вредный для жизни – он не простой, не добрый, не душевный, все ищет смысл, подвиг, предназначение: нет ему места в живой жизни, по собственной вине он из жизни исторгается.

О'кей: хотите ли вы быть хозяйственным баринком, или толстым неуклюжим добряком-богачом, или красивой и сильной плодovитой самкой, или кем еще?.. А Платоном Коротаевым хотите? Живите на зарплату, платите ЖКХ, слушайте властей, голосуйте за Путина – и улыбайтесь благостно! А вам не кажется, что генетический барин Толстой изобразил в Каратаеве идеального подданного деспотического государства? Подсознание не обманешь!

Платон Каратаев – это буддизм применительно к самодержавной империи. Толстой думал, что он конкретизировал поведение истинного, объективно правильного человека в согласии с объективизмом Конта. Но его мозг думал иначе – своими неподконтрольными участками.

Так кто там еще? Васька Денисов? Славный сержантско-лейтенантский идеал. Долохов?..

О, Долохов – это фигура очень интересная, недооцененная. Видите ли. Пара Долохов – Пьер – аналогична паре Печорин – Грушницкий или Онегин – Ленский. Ему нравится обаять друга – и изводить – и пристрелить на дуэли. Это естественное развитие образа лишнего человека романтического периода – он стал циничнее, адаптировался социально, вы-

нужден как-то зарабатывать на жизнь. И одновременно он – маленький человек, который не хочет мириться со своей участью. Он имеет волю, ум, обаяние – и вот кульбит: маленький человек нагибает больших и подчиняет своей воле! Мажнута Пьера Безухова, благополучного Николая Ростова, блестящего Курагина тоже использует!.. Этот маленький человек презирает сильных мира сего и сознает себя сильнее их, храбрее, умнее. Старушка-мать, горбатая сестра – вот единственные родные ему люди, там его любовь, там его сердце, его подлинная натура. А здесь – ледяной блеск безжалостного супермена.

Он так же бесстрашен и жесток на войне. Он отличный боец!

Как вам нравится такая эволюция маленького и лишнего человека? Реализм наступил, господа, век шествует путем своим железным. Толстой был гений в «Войне и мире», а если мы с чем не согласны – так всему есть тут свое объяснение, свой замысел.

Но! Имеется ли в виду Долохов как положительный герой и пример для подражания?

Толстой принципиальный противник героизма и любого идеализма. Он уже проповедует просто жить, не дергаясь. И тогда всем достойным людям повезет само собой: богатые женятся на бедных, пустоцветы останутся пустоцветами, пустых карьеристов оставим их доле, все неплохо. Элен умерла, Анатолю оторвало ногу, старый князь преставился, жизнь

удалась.

Но если вы не возвращаетесь среди князей, графов и богачей, ваше дело хуже. Хотя могут, как Платона Каратаева, помянуть в барской усадьбе добрым словом. Аристократ, авантюрист, талант, Толстой молодой – воспетого литературой и ее средой маленького человека презирал, и определил ему правильное применение: достойно служить высшему сословию, не бунтовать и принимать свою долю благостно. (Опрощаться он будет к старости...)

Книга гениальная, но хороший конец сулит только элите общества. Такие дела.

И вот главный женский образ русской литературы – затмивший Татьяну Ларину и Наташу Ростову, не говоря о соцветии тургеневских барышень. Анна Каренина!

Это написано уже позже, зрелым человеком к пятидесяти годам, много передумавшим и переоценившим.

Анна Каренина – это эволюция Наташи Ростовой, а точнее ведь не эволюция даже, а мутация, – которая не встретила Пьера, и с Андреем и Анатолем не вышло, и в конце концов вышла замуж не по расчету даже, а ну надо же выходить замуж, ну все так живут, принято это, без этого в жизни нельзя, плохо, это несостоявшаяся жизнь, – и любовная страсть осталась тлеть внутри нее, в латентном состоянии, написали бы в диагнозе.

Ни она, ни Вронский ни в чем не виноваты. Роман замужней дамы – обычнейшая вещь, только приличия в обществе

соблюдать надо. Два взрослых, молодых, красивых человека любят друг друга без памяти – почему такие терзания, что за пародия на «Тристана и Изольду» с конфликтом чувства и долга? Долга, ломающего им души, хребты ломающего, жизни – это что за долг, да перед кем? Что, уже не в любви правда?

Несчастливая Фру-Фру, символ их судьбы – это обязательно? неизбежно?

(Вам не кажется, что Толстой периода «Войны и мира» решил бы конфликт иначе: пустоцвет Каренин был без жалости предоставлен своей участи, естественная жизненная любовь без особых размышлений соединила бы Анну и Вронского, они плюнули бы на свет и счастливо вели хозяйство в деревне, он бы еще лошадей разводил?)

Я долго не мог понять, что же именно в книге вызывает у меня отторжение. Вот! – сцена первого любовного свидания, после того как. Она лежит ничком, чувствуя себя погибшей, все ужасно, упадок духа, скверно. А он, он: бледен, челюсть дрожит, все неловко, чувствует себя убийцей. Да вы с ума сошли! Темпераментная женщина в цвете зрелой молодости – и красавец-аристократ-офицер, который уж амурных удовольствий познал, будьте уверены. Что случилось?! Где ласка, истома, благодарность, нежность, тихое счастье произошедшего уже после взрывов страсти, блаженное чувство «провались все пропадом, все решаемо, завтра разберемся, сегодня наша ночь (день)»?! Где и отчего заклинило мозг у

графа, что он впал в брезгливую ненависть к сексу в самых счастливых его проявлениях?!

(«А я, батенька, в молодости был ужасный блядун...» — мечтательно сказал Толстой, если верить воспоминаниям Горького, который и сам был не монах, им там было о чем поговорить.)

Сцена эта совершенно фальшива, это насильственная морализаторская конструкция, Толстой вживается в роль инквизитора души: «прав был парторг: ме-ерзкое это зрелище». Они-то, в жизни, вели себя иначе! Но ему было нужно — чтобы так. Долли с Левиным на земле своей живут — а той паре в пустом аристократическом свете не жить: где свет — там и грех, он и пагубен. Спасибо.

И вот Анна, созданная вся для счастья в этой жизни, бро-сается под поезд, а Вронский, ей верный и ее достойный, уез-жает сгинуть на дальней войне.

Книга нравоучительна и душеспасительна, и тем отвраща-ет. Левин как реинкарнация Николая Ростова-помещика, по-умневшего и образованного, — и Вронский как Болконский, только мельче и пустее. Левин и Долли в качестве положи-тельного примера, такого библейско-патриархального харак-тера, и трудно, и тягости есть, а все-таки смысл жизни вот он — поближе к народу и земле, семье и хозяйствованию. И это провоцирует укол садизма, ассоциации от противно-го чеховские об «идиотизме сельской жизни» и «свинцовых мерзостях русского быта».

Не вдохновляет «Анна Каренина» на подвиги, не укрепляет веру в возможность счастья. Но и не наполняет высокой гордостью за величие человека, пусть и погибшего в борьбе с жестокими обстоятельствами, но показавшего все величие своего нестигаемого духа!

Вот чего нет в русской классике:

Величия и героизма греческой трагедии. Нет.

Трагедия – это смерть героя. Смерть слабака, червяка, жалкого никчемушника – это не трагедия. Это тягостное (но для посторонних – мелкое) бытовое несчастье.

Для этого не обязательно становиться на котурны. Но даже в смерти затравленного охотничьей сворой волка – больше величия и достоинства, чем в гибели жалкого чиновника. Да лучше пей, лучше выходи с ножом на большую дорогу – только не смей скулить и сдаваться! Сдохни – но побеждай! Н-но – это не для нас...

«Собор Парижской Богоматери» – это трагедия великих характеров. «Труженики моря» и «Девяносто третий год» – это трагедии. Можно быть плебеем-работягой – но быть героем! Можно быть шутом, презренным фигляром – но быть героем! – «Человек, который смеется». Ну да, Гюго романтик, Толстой его принципиально отвергал и опровергал, а у нас тут все сплошные реалисты.

Бальзак. Реалист! «Полковник Шабер». «Отец Горио». Да даже «Гобсек», полубезумный ростовщик, – но какие великие характеры, исполинские натуры! Они могут вызывать

жалость – но все равно уважение, все равно признание их крепости и душевного величия! (Кстати: сравните величие Шабера и сломанность Протасова из толстовского «Живого трупа» – а сюжет тот же, взят бальзаковский.)

Почему Джованьоли написал «Спартак», а в России никто не написал «Дмитрий Храбрый», скажем?

Почему в народе пели про Стеньку и Пугачева, а писателям нельзя, это ясно: цензура самодержавия, спасибо еще Пушкин взялся за «Историю пугачевского бунта».

Почему в России не было и не могло быть Джека Лондона – великого писателя своей эпохи, певца героев в «простых людях» тех самых, романтика и продолжателя Киплинга, а уж у Киплинга рассказы о крутой жизни солдат, чиновников и работяг – как раз героический реализм, стоит ввести такой термин. Просто живут и работают – а сколько сил и терпения нужно!

И не было веселого, смешливого и вдруг печального оптимиста О. Генри.

Даже печального Диккенса – а все-таки который любил хорошие концы, и у него крошки Доррит выходили замуж, Оливеры Твисты выходили в люди, и после злоключений и лишений хорошие люди начинали счастливую жизнь, – да, так Диккенса у нас тоже не было.

Почему, почему не мыслятся у нас «Три мушкетера» и «Граф Монте-Кристо» – веселье, дружба, авантюра, благородство, справедливая месть и торжество добра и правды?

У нас была песня, о, позднее: «Это даже хорошо, что сейчас нам плохо». Примечание: сейчас – это сейчас, именно всегда сейчас. Смех смехом – но что же, любим мы это дело: страдать?..

И возникают тогда вот какие мысли насчет литературы нашей – и нас как ее и автора, и адресата.

Мысль первая. Об интеллигенции.

Интеллигенция – почему типично русское понятие? Потому что с начала XVIII века Петр стал посылать отобранных людей за границу, на обучение. И они возвращались, кто возвращался, не только набравшись образования, но и подхватив западный образ мыслей и представлений: насчет прав человека, свобод, справедливости и так далее.

С этого момента в части образованного сословия – как правило это были люди незнатные, больше по части наук и искусств, техники, строительства, корабельного дела, учительства и медицины, металлургии, химии – типа будущие разночинцы, – в них соединялось продвинутое образование, знания, квалифицированность профессий – сочеталось это с вольнодумством, представлением о правах и свободах, о достоинстве личности, о гражданском самосознании, о чувстве собственного достоинства. Чего до Петра, после Ивана-то Грозного тем паче, в России и близко не было в принципе! И эти люди выделились в своего рода сословие, имели образ мыслей не такой, как весь остальной народ в стране.

А в стране было самодержавие, деспотия, рабовладение и

цензура.

Таким образом, интеллигенция естественным порядком оказалась в духовной, интеллектуальной, внутренней оппозиции к власти. Ибо в России: власть – все, человек – ничто.

А оппозиция власти – это сознание невозможности карьеры, свободной самореализации, социального и, соответственно, вообще жизненного успеха, если ты не будешь прогибаться под власть. Или преуспевание и достижение больших целей, сообразуясь с законами и порядками тирании, – либо сохранение благородства и достоинства, но тогда жизненной удачи в России тебе не видать.

Из этого следует – что? Что удачники презирались, в них видели знак скверны и подлости, заискивания перед верхами, – а человек порядочный, честный, благородный и чистый душой – был обречен на жизненное поражение. Либо – вариант: нечего ему здесь делать. Или Лиза в пруду и Башмачкин без шинели – или Онегин изнывает в безделье, Печорин дурит на Кавказе, а Обломов спит на диване.

Примечание к мысли первой: но ведь дворяне-то еще не интеллигенты? Они-то как раз привилегированный слой, им в государстве пути наверх открыты. – А дворяне фрондируют! Надул ветер Французской революции мысли о прогрессе и свободе. Судьба Филиппа Эгалитэ дурным головам покоя не дает. (Через сто лет, к 1917, они с энтузиазмом вымостят себе дорогу в расстрельные подвалы.) Они тоже хотят: «Пока свободу горим, пока сердца для чести живы!..»

Короче: среди образованного российского сословия было принято самодержавия стыдиться перед прогрессивными странами – Англией, Францией – и полагать необходимым отмену крепостного права, цензуры, введение конституции, равенства сословий перед законом, и вообще права личности чтобы, а не произвол околоточного надзирателя.

Мыслящие образованные люди от государства с его идеологией дистанцировались, были им недовольны, многое презирали.

Так в литературе же это неизбежно отражалось! А как иначе?! Подсознание, образ мыслей, информационное облако среды, французские и английские образцы, Рим с Гракхами и Брутом, Афины с Сократом и Периклом: демократия, благо народа!

Мысль вторая – логичная и нехитрая:

Все знаковые герои русской классической литературы – жертвы и следствие самодержавия и цензуры: им всем плохо в этой стране!!! Они не карьеристы, не приспособленцы, не стяжатели, не честолюбцы и не воры – они нормальные люди! И как нормальные люди – они не могут состояться! Не могут жить хорошо, по-человечески, осмысленно и благополучно, не могут добиться удач и побед.

То есть на самом деле, в жизни, они могут. Выкупившие себя крепостные, ставшие купцами и фабрикантами, самородки-изобретатели, генералы из простых казаков, много разных. Но! Русская литература есть отражение ненависти,

неприятия, несогласия, раздражения образованного сословия против своего самодержавного государства.

А поэтому:

Удачники эту литературу мало интересуют. А интересуют жертвы – как фигура несогласия и обвинения власти и строя.

...Разумеется, вот так прямо и сознательно, рационально, никто себе не формулировал и задачу не ставил. Но по сути – вот такая механика, вот так оно выходило.

Мысль третья: они принципиально не борцы и не удачники. Ибо бороться с этой машиной писателям казалось бессмысленным и невозможным. Глупым. А кроме того – цензура! За экстремистские высказывания – каторга, солдаты, но к счастью – цензор не допустит, бдит!

Что же касается удачи: удача означает, что и в этом государстве с его порядками можно делать дела и быть счастливым. То есть – это акт соглашательства с властью, акт примирения, акт признания, что под этой властью, по этим порядкам – и можно ведь жить хорошо и счастливо. А вот это уже подлость, господа, это предательство идеалов.

Культ личного успеха? Он нам чужд, это эгоизм и суетность, мерзкое себялюбие.

Русскому человеку внушено в генах: от тебя никогда ничего не зависит, все решает власть и начальство, так сиди тихо и не рыпайся. И литература подхватывает: оу йес, так и есть, он сидит и не рыпается, вот он, русский человек! А рыпнется – так горе одно, себе и другим. Человек отчужден

властью от свершений и великих дел державы – ну так он о великих делах и общей пользе даже и не думает. (Радищев вот когда-то подумал – и сел мигом, и книжку уничтожили и запретили.)

Вот так, как ежа против шерсти, русская литература родила своего навечно несчастного героя. Как аллегорию своего видения жизни.

Оппозиция власти превратилась в оппозицию силе, удаче, победе, стойкости, выносливости, целеустремленности.

Оппозиция власти превратилась в оппозицию активности, напору, жизнелюбию и веселью, оптимизму и хорошим концам.

Вот так оно сложилось в русской-то классической литературе.

«Записки из подполья» нашего Достоевского – это ведь манифест идеологии русской литературы образованного сословия. Ага. Это ее нижний этаж, подвал, бейсмент, чулан, подсознание.

Ну, и мысль четвертая.

Вот из этой литературы произошло известное представление о женской сути России, ее женской душе. Обратите внимание: кого любят женщины? Больше всех? В первую очередь? Кому норовят подарить свои чувства, свою любовь и заботу?

Несчастливым, обиженным, слабым, шандарахнутым – непонятым, незаслуженно обойденным жизнью. И – негодя-

ям, подлецам, блестящим и насмешливым циникам, который точно ведь пыльцу с твоих крылышек сотрет, но как сладко и манко побыть с ним, поиграть этим огнем: по крайней мере это ведь настоящий мужчина! А также – к непонятым гениям влекутся романтические и жаждущие заботиться женщины, к погибшим талантам, великим людям, которых подкосила злая судьба.

Вот вам маленькие и ничтожненькие герои русской литературы – Лизы-Акакии-Девушкины. Вот страдающие эгоисты и наслаждающиеся эгоисты: Онегин-Печорин-Долохов. А вот несостоявшиеся титаны: Базаров, Инсаров, дальше у Чехова еще найдутся. А герой-борец – это зло ходячее и добро обреченное: Раскольников-Мышкин-Верховенский-Смердяков. А женщину надо любить падшую! (Доберется и Толстой до Катюши Масловой, не сомневайтесь!)

Таких страдальцев и изгоев выберет женщина с гипертрофированным материнским инстинктом. Она оправдывает все их пороки и недостатки. Обвинит в их бедах чужие вины. Она уверует во все их великие предназначения – авансом. Она обуреваема желанием согреть, отогреть, утешить, поддержать и оправдать. Ее жизненное предназначение – буквально по арабской пословице:

«Женщина – это верблюдница, созданная Аллахом, чтобы перенести на себе мужчину через пустыню жизни».

Вот ни фиги себе загадочная русская душа: страдалец всегда ей родной, от чего бы ни страдал – а работающий удачли-

вый человек неприятен и неинтересен.

Дон Кихот освободил страдающих каторжников – и они, преступники и негодяи, первым делом забросали его камнями. Но русская интеллигенция вычитывала из книг только то, что хотела.

Русская классическая литература несет на себе через пустыню жизни, как она себе ее представляет, жалких задохликов, обаятельных негодяев и несостоявшихся благодетелей.

(Теперь вы лучше понимаете отношение русской интеллигенции в начале XX века к будущей революции, к крестьянству и пролетариату – пьяницам, забулдыгам, всем этим превозносимым Челкашам, злобным и мстительным, жадным и тупым представителям народа, которого так обожала русская интеллигенция, так страдала комплексом вины перед ним! О, она так хотела свергнуть проклятое самодержавие, освободить исстрадавшийся несчастный народ, посадить его рядом с собою – вместе трудиться и управлять. Как боролась за гуманизм и демократию, толерантность и против смертной казни! (Не было казни? По закону. По особые решения и военно-полевые суды приговаривали.) Ну – за что боролись, на то и напоролись.

Дали маленьким людям винтовочки и отпустили вожжи. Припомнил Герасим барыне Муму, а Евгений императору наводнение.

Грянул 17-й годочек, а дальше и 18-й, и 20-й. Акакий так и служил в конторе, и трясся пуще прежнего в нищете пу-

ще прежней. Лизе еще объясняют на политинформации, что комсомолка должна по первому требованию товарища-комсомольца дать ему удовлетворить половую потребность, иначе какая же она комсомолка. Раскольников пойдет служить в ЧК, покажет тварям дрожащим, кто он есть именем Мировой революции и светлого будущего. Онегина с Печориным шлепнут в рядах Добровольческой армии, если во Францию сбежать не успеют. Анну с Вронским экспроприируют и расстреляют в заложниках. Мышкин помрет с голоду, кто ж его кормить станет; Николая Ростова с семьей поднимут на вилы, имение разграбят и сожгут; Обломов похудеет от бескормизы, пойдет служить за нищенский паек, к 1934 его лишат прав состояния и вышлют из больших городов, а скорее – заморят в лагере по причине враждебного происхождения...

Прекрасная тема для школьного сочинения на вольную тему по окончании «прохождения» книги: «Представьте, что стало бы с героями после Октябрьской (Великой русской?) революции?»

В результате мы видим ужасное:

Русская литература – это литература поражения и капитуляции. И как компенсация – тонкая жалостливая душа и глубокая умственная рефлексия: бедолага-пораженец остро чувствует и содержательно рассуждает.

Идейно русская литература сводится к правозащитному движению в пользу всех несчастных. Не веря при этом в победу. Благородно. Но депрессивно.

Но не может же быть, чтобы великая русская литература этим ограничивалась! Да! – она и не ограничивалась!

Весь XIX век народ читал Матвея Комарова: «Повесть о милорде Георге и маркграфине Луизе» – такое лубочное переложение рыцарского еще романа. Страсти, ужасы, красоты и бла-ародные приключения. Плебейское чтиво. Но! Яркими крупными мазками, р-роковые страсти, и никакого занудства, никакой заунывности, никакого безнадежного пессимизма! Критическо-диспетчерской мыслью книга была начисто исключена из обзоров русской классики, как не было, – а кроме классики ничего ведь и не было, не помнилось, не переиздавалось!

А в 60-е уже годы, литературный расцвет, выходит знаменитейший роман Всеволода Крестовского «Петербургские трущобы». (Да, вторично по отношению к «Парижским тайнам» Эжена Сю, ну так русская литература почти вся вторична по отношению к европейской.) Да, роман авантюрный, детективный, – но одновременно остросоциальный, обличительный, граничит в чем-то с физиологическим очерком, очерком нравов. Читался на ура! Опять же: активное жизненное начало, зло должно караться, а добро торжествовать и так далее. Нэ трэба. Забыть Герострата!

Агрессивный и нетерпимый пессимизм свойственен русской классической литературе, вот что я вам скажу.

...И вот уже революционеры, вот уже «Земля и воля» разделилась на «Народную волю» и «Черный передел», и вот

уже Степняк-Кравчинский, боевик, хладнокровный храбрец – среди бела дня, в имперской столице Санкт-Петербурге, в суперцентре, на углу Михайловской и Итальянской улиц – закалывает кинжалом шефа жандармского корпуса, начальника Третьего отделения генерала Мезенцева – и скрывается! И в эмиграции, в Лондоне, пишет роман о революционерах «Андрей Кожухов» – герой совершает покушение на царя. Но стреляет из чужого непристрелянного револьвера – и промахивается! А ведь шел на верную смерть, конечно хватают и вешают.

Я помню, как в школе этот момент привел меня в бешенство. Какой идиот идет на такое дело, не проверив бой револьвера! Ну ничего же не могут! Когда позднее я узнал биографию автора – сильно зауважал и сильно задумался: почему он, такой крутой и деловой, такое написал? Только для сюжета? Эх...

Вот таково влияние атмосферы, подпитка из общего информационного облака. В жизни одно – а в литературе другое. В жизни убивали и взрывали так, что только ключья летели от встречных и поперечных! А в литературе – пажалте Леонида Андреева: «Рассказ о семи повешенных».

А ведь русские нигилисты были уже знамениты во всем мире! Уже Бакунин был столпом и авторитетом мирового анархизма! А в литературе? В литературе все отлично: Щедрин и Чехов. Злой смех и тихий вздох.

И понадобилась молодая романтическая англичанка, Этель

Лилян Войнич, которая в Лондоне влюбилась в Степняка-Кравчинского, и прониклась идеалами борьбы за свободу, и приехала в Россию жить и работать, два года прожила, – и это она написала «Овода» (а в восстании 1877 в Италии Степняк-Кравчинский участвовал и сражался, с этих его рассказов она идеями и прониклась свободы и борьбы) – и «Овод» мгновенно перевели и издали в России: и это был и остается первый и единственный героический роман о борьбе за свободу, о несгибаемом герое – первый и единственный роман во всей – во всей!!! – русской литературе. Простите оговорку – какой же «русской»...

Молодая, не шибко образованная, не шибко талантливая – больше ничего и близко равного не написала, вообще очень мало писала, – вот англичанка – смогла! А русские титаны мысли и гении – нет! Не потому, что бездарны – многие гениальны! А потому что – закваска не та, дух не тот, мир видят не так, пара нет в котле! А та девка была английского замеса, века суровых предков сложились в ее генах, и ей это передалось: что значит драться в любых условиях и побеждать хоть своей смертью! Вот хоть сдохните все – не было такого образа в русской литературе, ни одного! Так что нам помногу-то пыжиться нечего!

Почему Инсаров у Тургенева не мог пасть смертью храбрых в боях за свободу и независимость своей родины? Почему от простуды???!!! Почему Базаров – не на дуэли, не от взрыва прибора, не спасая детей от дифтерита?! Почему Пе-

чорин не в бою на Кавказе, спасая своего солдата?! Почему князь Андрей – не в атаке со знаменем, спасая судьбу сражения – а от глупой фанаберии, дурацкой «чести»?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.